

---

13 МАРТА 1890 ГОДА В ЖИЗНИ И В ТВОРЧЕСТВЕ К. БАЛЬМОНТА

Л.Н. Таганов

Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, Иваново, Россия, 153025

В центре статьи — одно из ключевых событий жизни К. Бальмонта: попытка самоубийства, предпринятая поэтом 13 марта 1890 года. Бальмонт никогда не забывал об этой дате. Она входит во многие его автобиографии и фигурирует в воспоминаниях и биографических очерках о поэте. Но это событие еще не осмыслилось с точки зрения особого жизнетворчества Бальмонта как важнейший факт его автобиографического мифа. Именно под таким углом рассматриваются в статье бальмонтские высказывания о 13-м марте, запечатленные в его прозе, а так же прослеживается след этого сверхсобытия в поэзии.

Ключевые слова: К. Бальмонт, автобиографический миф, сверхсобытие, жизнь, смерть, бессмертие.

Попытка самоубийства Константина Бальмонта 13 марта 1890 года входит во все биографии поэта. В книге П.В. Куприяновского и Н.А. Молчановой «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта» (2003) мы найдем развернутую житейско-психологическую мотивацию этого крайнего поступка (провал первой книги, нервная болезнь, смерть ребенка, ревность жены). Однако до сих пор по-настоящему не осмыслено место этого поступка в жизненно-творческом контексте Бальмонта, его роль в становлении и развитии художественного мироощущения поэта. А между тем о чрезвычайности события, происшедшего 13 марта, неоднократно напоминал сам поэт, акцентируя эту дату в самых разных своих литературных публикациях. Самые известные из них стихотворение «Воскресший», рассказы «Воздушный путь», «Крик в ночи», «Белая невеста». Вспоминал об этом событии в очерке «Революционер я или нет», намек на него встречается в статье о Чехове. 13 марта фиксируется в автобиографии Бальмонта, в письмах к Е.А. Андреевой-Бальмонт. Такая частотность обращения к этой дате наводит на мысль, что она, эта дата, составляет одно из важнейших звеньев автобиографического мифа Бальмонта и напрямую связана с жизнетворческими интенциями поэта.

Автор этой статьи присоединяется к тем исследователям, которые под автобиографическим мифом понимают «исходную сюжетную модель, получившую в сознании автора онтологический статус, рассматриваемый им как схема собственной жизни и постоянно соотносимой со всеми событиями его жизни, а так же получающей многообразные трансформации в его собственном творчестве» [1].

Наиболее полное представление о случившемся 13 марта дает проза поэта, в особенности рассказ Бальмонта «Воздушный путь» (1908). Здесь этот день воспроизведен во всех мельчайших подробностях. Словно в замедленной съемке фиксируются последние движения автобиографического героя перед роковым поступком: «...Выйдя из комнаты, прошел коридор до окна, раскрыл его, посмотрел вниз

на каменный двор, как будто считая, сколько тут сажени, посмотрел на небо над крышами... Вернулся в комнату, сел на прежнее место и, разрезав не торопясь листок бумаги на три равных части, стал писать. На одной написал „В полицию. В смерти моей прошу никого не винить. Прошу похоронить меня здесь, в Москве“. На другой: „Фомушка, прошу тебя, отвези Мелитту в N-скую губернию, к ее родственникам“. На третьей: „Мелитта, прости за ту боль, что причиняю тебе. Иначе не могу. Прощай“» [2]. Интересно, что все почти это полностью совпадает с документальным газетным сообщением, появившемся спустя несколько дней после 13 марта [3].

В газетном сообщении о попытке самоубийства Бальмонта сообщалось следующим образом: «Вчера, в 1-м часу дня, г[осподин] К. зашел в меблированные комнаты „Лувр“ на Тверской, в доме Полякова, — чтобы отыскать здесь своего знакомого.

Проходя по коридору второго этажа, он заметил, что из одного из номеров вышел жилец, подошел к окну, выходившему во двор, и стал открывать его. Сначала это показалось г. К. странным, но, подумав, что тот хочет освежить душный воздух коридора, он продолжал разглядывать таблички на дверях номеров. Совершенно инстинктивно оглянувшись назад, он заметил, как мужчина, растворивший окно, стал на подоконник. Испуганный, он бросился к нему, но было уже поздно — тот спрыгнул вниз на его глазах.

Крик г. К. собрал прислугу, жильцов; поднялась суматоха; бросились вниз во двор. Выбросившийся лежал неподвижно, в расстоянии аршин 4-х от стены; из рассеченного лба струилась кровь. Тотчас же дали знать полиции, явился доктор. Несчастный был жив, но он страшно разбился, рука и ноги сломаны; можно опасаться, что падение вызвало сотрясение мозга — и тогда надежда на жизнь его является сомнительной. Как оказалось, несчастный, вздумавший покончить с собой таким ужасным образом, — студент Константин Дмитриевич Бальмонт.

Он страдает третий год сильнейшим расстройством нервов, доходившим иногда до того, что он не спал по несколько ночей, не находил себе места и решительно ничем не мог заниматься. В начале прошлого года К.Д. Бальмонт из-за этого принужден был бросить университет. Ему посоветовали ехать на Кавказ; все прошлое лето он провел там и действительно почувствовал значительное облегчение. Приехав в Москву и чувствуя себя почти здоровым, г. Бальмонт захотел продолжать занятия в университете, но это снова расстроило его нервы, вызвало головные боли, все усиливавшиеся и усиливавшиеся. Несколько дней тому назад у него был тяжелый нервный припадок, а после него все последние дни головная боль не утихала.

Вчера он встал очень рано — также жалуясь на головную боль. В двенадцать часов пришел один его товарищ. Сидя с женой и гостем, г. Бальмонт был сравнительно спокоен, только иногда нервно кусал губы. Затем он присел к письменному столу и написал, пока жена его и товарищ о чем-то разговаривали, три записки.

В одной, адресованной к товарищу, г. Бальмонт просил его отвезти жену его, Л.М., в Иваново-Вознесенск к родным; в другой — он просит прощения у жены и говорит, что головные боли так невыносимы, что он решил покончить с собой. Последняя записка адресована полиции; в ней г. Бальмонт высказывает желание,

чтобы его похоронили в Москве. Написав все это, г. Бальмонт под каким-то предлогом вышел в коридор и бросился из окна, с высоты 15 аршин» [3].

Поразительный документализм «Воздушного пути» — не только и не столько свидетельство природной памяти поэта, сколько знак глубины всегдашнего переживания происшедшего. С такой же скрупулезной дотошностью представлены в рассказе обстоятельства семейной жизни, запутанные отношения с женой, болезнь и т.д., приведшие героя к мысли о самоубийстве. Но, вчитываясь в рассказ Бальмонта, мы начинаем постигать его смысловую глубину, где на первом плане не простое воспроизведение реальных событий, а попытка объяснить и себе и читателям: почему 13 марта стала одной из самых драматических и вместе с тем судьбоносных дат в жизни поэта.

Среди многих причин, подтолкнувших к смертоносному окну, главная, как следует из рассказа «Воздушный путь», — утрата героем творческой воли, утрата чувства веры в себя как творческой личности, а как следствие этого — разочарования в любви, отчуждение от жизни. Суицидный порыв героя продиктован желанием вырваться из тяжкого антитворческого состояния, хотя бы путем смертельного исхода. Для Бальмонта важно, что герой находит в себе силы отринуть замкнутый круг обыденщины и рвануться в неизвестное. И он вознагражден за это. После продолжительной болезни герой рассказа открывает для себя многогранное пространство жизни, ее светоносность. Он чувствует себя творцом. Отсюда своего рода благодарность людям, подтолкнувшим героя к освободительному поступку. Характерно, что рассказ «Воздушный путь» кончается обращением к Меллите, женщине, которая так мучила его: «Мелитта, Мелитта, пчела, ты когда-то больно меня ужалила, но ты также дала много сладкого меда. Мы потеряли друг друга безвозвратно, и мы давно уже другие в бесчисленности лиц и вещей. Но если ты можешь еще слышать, услышь меня. И услышь меня: я любил тебя всегда» [2. С. 245].

В свое время рассказ «Воздушный путь» был интересно интерпретирован в статье Л.Л. Горелик «Рассказы К. Бальмонта 1908 года в свете ницшеанской идеи рождения творца», где, в частности, утверждалось, что герой бальмонтовского рассказа проделывает «именно тот путь, к которому Ницше призывает человека, желающего обрести способности. Здесь есть не только типологическое совпадение, не исключено также, что Бальмонт учитывал в какой-то степени текст поэмы «Так говорил Заратустра» [4]. Не оспаривая возможности такого подхода к бальмонтовскому тексту, заметим все-таки, что в данном случае уходит в тень нечто более важное. Уходит бальмонтовский контекст, где 13 марта приобретает значение Сверхсобытия, во многом определившем вектор дальнейшей поэтической судьбы Бальмонта. С предельной ясностью эта мысль выражена в его статье «Революционер я или нет»: «О, я благословляю теперь это 13 марта — никого не зову сделать так, — но в моей судьбе это был первый и лучезарный день новой жизни» [2. С. 455]. Спустя три года, будучи в эмиграции, в рассказе «Белая невеста» Бальмонт снова напомним, что именно после 13 марта его душа «стала вольной, как ветер в поле, никто более не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» [2. С. 306].

Показательно, что в прозе Бальмонта мы находим порой самые неожиданные сближения с тем, что названо выше Сверхсобытием. Вот, например, известно, что, любя Чехова-человека, Бальмонт с некоторых пор перестал любить его творчество. Почему? В бальмонтской статье «Памяти Чехова» (1929) мы находим ответ на этот вопрос: «...Внутренняя жизнь совсем отбросила меня от желания читать его. Во мне самом было столько б столько тоски и угнетенности, что каждая страница Чехова была не противоядием, а увеличением душевной отравленности. Полоса отчаяния привела к исканию смерти. Смерть показала свой лик и ушла. А из предельного отчаяния вырос взрыв радости, такая *воля к воле*, что чеховское творчество навсегда стало мне чуждым. Однако не сам он» [2. С. 568].

В прозе Бальмонта 13 марта предстает в автобиографическом виде и в публицистическом заострении мысли о влиянии этого Сверхсобытия на углубление жизнотворческого пространства поэта. Сложнее с поэзией. И здесь, разумеется, есть произведения, в которых мы также встречаемся с открыто выраженным авторским мифом о рождении поэта, бросившегося в объятия смерти. Таково известное стихотворение «Воскресший», где мы имеем дело именно с лирическим героем, т.е. героем, чьи мысли и поступки отсылают нас к конкретной жизни автора. Но в отличие от прозы здесь в большей степени выражена символично-мифологическая сторона происходящего. Довольно банальное в поэтическом отношении истолкование смертоносного поступка («хотел купить освобождение / От уз наскучивших давно; «Хотел убить змею печали...») сменяется картиной встречи героя со смертью, которая становится охранной грамотой жизни поэта. Герой слышит из уст смерти спасительные для него слова:

Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебе дала,
Иди сквозь мрак земного зла,
К небесной радостной отчизне.

Ты обманулся сам в себе
И в той, что льет теперь рыданья,
Но это мелкие страданья,
Забудь. Служи иной судьбе [5].

Закономерен финал произведения: «И новый, лучший день, аляя, / Зажегся для меня во мгле, / И прикоснувшийся к земле, / Я встал с могуществом Антея».

Однако тема 13 марта в поэзии отнюдь не сводима к таким стихам, как «Воскресший» или «Лесной пожар», прямо соотносящимися с драматическими событиями из жизни поэта. Важно понять, что эти события обрели в его творчестве бытийственно порождающий смысл, который дает о себе знать на самых разных уровнях поэтического творчества. Сам Бальмонт отлично это понимал, когда делал свою запись в 1904 году, обозначая логику своего пути: «Все Стихии люблю я, и этим живет мое творчество. Оно началось, это дрящется, только еще обозначившееся, творчество — с печали, угнетенности и сумерек. Оно началось под Северным небом, но, силой внутренней неизбежности, через жажду безграничного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу» [5. С. 8].

13 марта как Сверхсобытие осмыслено Бальмонтом как некий взрыв, благодаря которому родилась его поэтическая вселенная. В этом плане принципиально важным представляется найти следы этого взрыва в первых поэтических книгах Бальмонта и обратить внимание на то, как преобразуется в них важнейшее звено автобиографического мифа в особый художественный мир, в целом весьма далекий от поэзии открытого автобиографического характера. Посмотрим с этой точки зрения поэтические книги «Под северным небом», в «Безбрежности», которые Бальмонт считал подлинным началом своего творчества. Именно здесь уже чувствуется та характерная особенность его поэтики, которая в современном бальмонтоведении обозначена так: «истинный субъект в поэзии Бальмонта сверхреален, абстрактен, а все конкретные Я, ввергнутые в мир бытия, — способы его реализации» [6].

Основной мотив первых книг Бальмонта — преодоление пошлой земной рутины, превращающей жизнь человека в кошмарный сон, в болото, где «Смешались контуры, и краски, и черты, / И в царстве мертвого бессильного молчанья, / Лишь дышат ядовитые цветы» [5. С. 15]. Томление по истинной красоте, порыв в другое пространство, пусть и сулящее встречу со смертью, — вот сюжетный стержень этих книг, явно восходящих к автобиографическому мифу Бальмонта о значении 13 марта в его жизни, будь то стихотворение «Смерть» с начальными строками: «Не верь тому, кто говорит тебе, / Что смерть есть смерть она — начало жизни...» [5. С. 9], или обращение к женщине, несущей, казалось бы, поэту только зло, и тем не менее остающейся для него любимым существом (стихотворение «О, женщина, дитя, привыкшая играть»). Женщина, заставляющая вспомнить «вампириного гения» из стихотворного цикла «Лесной пожар» и Мелитту из рассказа «Воздушный путь». В этот контекст органично войдет и пресловутый «чуждый чистым чарам счастья, / челн томления, челн тревог» [5. С. 36].

Как верно заметила Т.С. Петрова, уже в первых книгах Бальмонта «преодоление земного мрака и устремление «к небесной радостной отчизне»... отражает борьбу жизни со смертью и противостояние человека злу...» [7]. В дальнейшем порыв сменяется все более усиливающимся мирочувствованием, где «представление смерти, органично связанной с бессмертием в мире небесном, сверхземном, отражается в земном бытии священной памятью человеческого сердца» [7. С. 8]. Сам Бальмонт в одном из предисловий к своей вершинной книге «Будем как солнце» писал: «...Да будет благословенно каждое несчастье, если я настолько горд и высок, если я настолько смирен и глубок, чтобы превратить беду в победу, печаль в красоту, боль в безграничную мудрость молчания и яростный бег к мете, которую должно пронзить мое острие» [8].

Таким образом Сверхсобытие, каким было для Бальмонта 13 марта 1890 года, получает в его творчестве статус онтологического явления, за которым стоит вечное восхождение к творчеству, способному объять необъятное. Восхождение невозможное без постижения бездны Смерти, открывающей Жизнь во все ее бездонности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Магомедова. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: Диссертация в виде научного доклада. — М., 1998.
- [2] Бальмонт К. Автобиографическая проза. — М., 2001. — С. 234—235.
- [3] Новости дня. — 1890. — № 2407. — 15 марта.
- [4] Горелик Л.Л. Рассказы К. Бальмонта 1908 года в свете ницшианской идеи рождения творца // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. — Иваново, 1999. — Вып. 4. — С. 87.
- [5] Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 2 т. — Можайск, 1994. — Т. 1.
- [6] Марьева М.В. Книга К.Д. Бальмонта «Будем как Солнце» Эклектика, ставшая гармонией // Бальмонт «Будем как солнце. Книга символов... — Иваново, 2008. — С. 225.
- [7] Петрова Т.С. «Высокий подвиг» поэта Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. — Иваново, 2004. — Вып. 6. — С. 8.
- [8] Бальмонт К.Д. Будем как солнце. Книга символов... — Иваново, 2008. — С. 6.

13 MARCH 1890 IN THE LIFE AND WORKS OF BALMONT

L.N. Taganov

Ivanovo State University
Ermak str., 39, Ivanovo, Russia, 153025

The article is concerned with one of the key events of K. Balmont's life — his suicide attempt on the 13th of March 1890. Balmont had never forgotten that day, he wrote about it in his autobiographical works. The attempt is also mentioned in a variety of memoirs and biographical essays dedicated to him.

Nevertheless, this «super-event» hadn't been thoroughly explored in context of Balmont's creative life as a key detail of his autobiographical myth. Balmont's prosaic writings and poetic recollections of the 13th of March are analyzed in the article from this point of view.

Key words: K. Balmont, autobiographical myth, super-event, life, death, immortality.